

ПУБЛИЧНЫЙ ДИАЛОГ: К ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

И. В. Шарафан

Московский городской педагогический университет

Аннотация: В настоящей работе рассмотрена проблема публичного диалога как специфической формы диалогической речи. Под публичным диалогом понимается такая разновидность диалога, в которой коммуникация разворачивается в условиях наблюдения со стороны, причем это наблюдение носит не случайный или неосознаваемый характер, а, напротив, является изначальным условием общения, оказывающим непосредственное влияние на весь процесс коммуникации. Пример публичного диалога был представлен и исследован. Как результат, была выработана модель, которая позволяет в общих чертах представить публичный диалог и обозначить характеризующие его процессы, зависящие от конкретных коммуникативных ситуаций.

Ключевые слова: публичный диалог, сдвиг темы, предметная ориентированность, личный текст, тема диалога, новое знание, модератор, эскиз аудитории и успешность реализации.

Abstract: The analysis of the public dialogue, as a specific form of the dialogue speech, is presented in current paper. By public dialogue it is understood such a form of the dialogue, when the communication is built by the condition of the outside observation, whereat that observation is not of casual or unconscious character, but, on the contrary, is the starting framework for the converse that directly influences the total communication flow. An example of such a public dialogue was presented and analyzed. As a result, there was developed a model, which presents a general structure of the public dialogue and designates its characterizing processes that depend on concrete communicative situations.

Key words: public dialogue, thematic move, subject orientation, personal text, dialogue topic, new knowledge, moderator, audience sketch and successful realization.

Как известно, диалогическое общение признается той сферой, в которой язык естественно существует (ср.: «диалог предстает как конкретное воплощение языка в его специфических средствах, как форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека и — шире — как формула существования языка» [3]), и одновременно, той формой, в которую он наиболее естественно выливается (ср.: «Речь как действие со всем спектром возможных для нее коммуникативных целей воплощена в диалоге» [1]).

Отличительными чертами диалога, по мнению С. А. Ремизовой [7], являются:

1. специфическая речевая организация, представленная реактивностью и диалогической когерентностью;
2. спонтанность, неподготовленность;
3. ситуативность;
4. зрительное восприятие собеседниками друг друга.

В данном контексте нас в наибольшей степени интересует второй пункт этого списка. Дело в том, что пункты 1, 3 и 4, на наш взгляд, характерны для диалога вообще, для любых его типов в равной мере, в то время как спонтанность и неподготовленность, по нашему мнению, характеризуют

скорее бытовой диалог. Именно неподготовленность обуславливает такие качества диалогического текста, как композиционная простота [9], различные отступления от правил и норм литературно-письменной речи [2], нечеткие формулировки, повторы, не всегда логичную смену темы и т. д. [5].

В отличие от повседневного диалога, публичный диалог предполагает значительно более низкий уровень спонтанности. Он в значительно большей степени структурирован, прежде всего, потому, что для него характерна большая предметность, во всяком случае, на уровне ожиданий. Публичный диалог не должен быть общением ради общения, следовательно, мы вправе ожидать, что в ходе такого диалога мы получим какое-то новое знание о предмете общения. Собственно, это и есть то в диалоге, что предполагается внутренней формой самого термина «диалог» — познание «через слово». Таким образом, мы приходим к очень важному положению, которое непременно должно учитываться в дальнейшей работе: публичный диалог — это предметно ориентированный диалог.

Речь, как известно, не бывает «сама по себе» — она всегда присвоена конкретным говорящим. Текст не может анализироваться в абстракции от той деятельности, в рамках которой он возник. Следовательно, формируя модель предметно ори-

ентированного диалогического дискурса, мы должны иметь в виду, что концептуальной основой любого конкретного диалога будет некая предметная область, знанием о которой в должной мере обладают коммуниканты. Каждый коммуникант в той или иной степени представляет себе суть проблематики, которая затрагивается в диалоге, и способен вербализовать эти знания. Таким образом, каждый коммуникант представляет собой узел развертывания текстовой информации. Коммуникант множеством речевых актов раскрывает себя и свое представление о предмете перед собеседниками. Потенциальное вербальное представление той или иной области знания конкретным коммуникантом мы назовем «личным текстом».

Итак, каждый коммуникант является источником релевантного знания о предмете диалога. Однако этим, естественно, его роль не ограничивается. Одновременно коммуникант присваивает то знание, которое предлагается ему собеседником. Естественно, речь не идет о механическом накоплении знания, этот процесс носит также творческий характер. Взаимно раскрываясь друг перед другом (само собой разумеется, в той степени, в которой это отвечает конкретным потребностям диалога), коммуниканты вступают на путь координации и взаимного согласования своих позиций и выработки нового знания. В идеале предметный диалог в этом смысле должен приводиться к «одному знаменателю» в соответствии с известным постулатом: «в спорах рождается истина». Классическим примером здесь являются «Диалоги» Платона.

Естественно, столь стройная картина возможна только в искусственной ситуации. Личный текст куда богаче, чем просто понятийная сеть той или иной предметной области, поскольку включает личностные оценки, отношения, связи, ассоциации и т. п., причем случается, что именно эти оценки и отношения формируют основу «личного текста», описывающего то или иное явление (ср. нелюбовь председателя жилтоварищества дома 302-бис Никанора Ивановича Босого к творчеству А. С. Пушкина). В этой связи уместно вспомнить концепцию языкового существования Б. М. Гаспарова, в которой представлен «такой подход к языку, при котором на первый план, в качестве первичного объекта изучения, выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний, сопровождающих нас повсюду в качестве неотъемлемого аспекта нашего повседневного существования»[4]. Весь

этот комплекс факторов, естественно, может и будет находить свою реализацию в речи, и также естественно, что эти аспекты не могут не вызывать соответствующих реакций у собеседников, существенно усложняя общую картину.

Таким образом, реальный текст, формируемый коммуникантами в процессе общения, не может рассматриваться как чистая проекция «личного текста» — это противоречило бы самой сути коммуникации как совместной координированной деятельности. Суть дискурсивного процесса состоит в постоянном воспроизводстве речи, при этом каждое конкретное речевое действие, завершая некоторый этап коммуникации, создает множество потенциалов для дальнейших речевых действий. Это чрезвычайно характерно для повседневного диалога, в особенности для его фатических разновидностей. В качестве примера мы могли бы привести отрывок из книги антрополога К. Фокс «Watching the English», посвященный тому, как происходит коммуникация в пабе. Цель этой коммуникации — не организация какой-то экстралингвистической деятельности, а социализация, иными словами, это общение ради общения: *«A comment about the weather somehow triggers a brief argument about football, which prompts a prediction about the fate of a television soap-opera character, which leads to a discussion of a current political scandal, which provokes some banter about the sex-life of the barman... and so on. You can sometimes see a sort of vague logic in some of the connections, but most topic-shifts are accidental, prompted by participants free-associating with a random word or phrase»* [10].

Важным отличием такого рода коммуникации является триггерный характер порождения актуальных тем. Процесс мало или совсем не управляем, ассоциации свободны, некоторые ограничения налагаются только лишь на выбор тем и оценок, поскольку перед коммуникантами стоит общая задача не прервать цепи взаимно комфортных высказываний.

Мы можем охарактеризовать этот процесс как перманентный сдвиг темы. Мы полагаем, что именно сдвиг темы является главной отличительной чертой диалогического дискурса, а одним из критериев, согласно которому можно было бы классифицировать его разновидности, является то, насколько свободным является этот сдвиг. Тот случай, когда никаких ограничений на этот сдвиг не налагается, мы назовем свободным диалогом, и именно этот тип диалога соответствует предложенному С. А. Ремизовой критерию спонтанности (см. выше).

Публичный диалог, как мы уже говорили, является предметно ориентированным, и именно этот фактор существенно затрудняет сдвиг темы. Если для свободного диалога характерна своеобразная тематическая линейность, то публичный диалог по необходимости цикличен: любая девиация должна быть пресечена. В случае, когда этого не происходит, диалог признается неуспешным.

Естественным шагом после всего вышесказанного было бы ввести понятие, характеризующее тот фактор, который обеспечивает постоянное «возвращение к нашим баранам». Мы будем говорить в этой связи о теме диалога, противопоставляя его личностным темам коммуникантов. Безусловно, это понятие представляет собой некую коммуникативную фикцию, поскольку за ним не стоит конкретная личность, если не считать того, что во многих случаях функцию озвучивания темы диалога осуществляет модератор — например, ведущий телевизионной передачи. Следует отметить, однако, что позиция модератора по идее не предполагает собственного мнения по обсуждаемым вопросам, он должен лишь напоминать о том, что существуют те или иные аспекты рассматриваемой проблемы, и что именно они должны быть в центре внимания собравшихся. Следовательно, модератор не предлагает дальнейшего развития коммуникации, а только лишь представляет общую тему диалога, оставляя собственно развитие предметного диалога участникам.

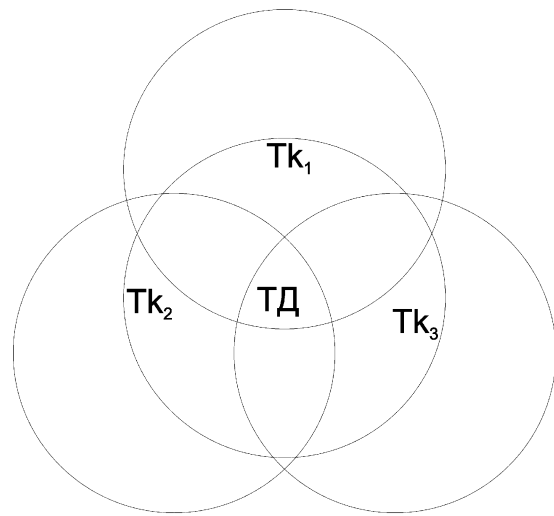
И в этом случае требуется оговорка. Реальный модератор не есть только лишь воплощение собственной функции, поэтому совершенно естественно наличие у него собственного мнения по тому или иному вопросу, которое ему никто не мешает озвучить.

Отсутствие модератора не отменяет необходимости существования темы диалога. Не будучи фактом личностного когнитивно-коммуникативного бытия конкретного коммуниканта, тема диалога формируется как мнимая величина, которая, тем не менее, оказывает существенное влияние на ход коммуникации. Явления такого рода хорошо известны в экономике, социологии и т. п. По сути дела, тема диалога представляет собой некую результирующую ожиданий коммуникантов, основанных на существующих у них социально опосредованных когнитивных структурах.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем построить модель публичного диалога, которая отражала бы его существенные особенности. Следующая схема отражает ситуацию до начала ком-

муникации. В ней ТК — личностные «темы коммуникантов», а ТД — тема диалога.

Схема 1:

Как видно из схемы, в каждом «круге» ТК можно выделить несколько зон: 1) зону, общую и с другими ТК, и с ТД; 2) зону, общую с другими ТК, но не с ТД; 3) зону, общую с ТД, но не с другими ТК, и, наконец, 4) полностью самостоятельную зону. Характерной чертой круга ТД является то, что у него самостоятельная зона отсутствует. Это естественно, поскольку, как мы уже сказали, за ТД не стоит никакая конкретная личность.

Все вышесказанное не значит, что, например, зона (4) нерелевантна для данного дискурса. Вопрос релевантности решается непосредственно в процессе коммуникации, в то время как наша схема отражает начальное положение, определенный потенциал. При этом можно говорить о том, что зона (4) скорее станет причиной возможных попыток сдвигов темы, в то время как зона (1) будет залогом стабильности диалога.

Приведенный ниже анализ материала показывает, как работает эта схема.

Андрей ФУРСЕНКО: Я думаю, мы в этом случае не запретим частные школы, а загоним это в теньевую зону. Я полагаю, тем не менее, что сегодняшние школы общественные, школы государственные, — во-первых, лучшие, я считаю, там дают более правильное образование и более правильную социализацию — вот то, о чем я говорил. Людей лучше готовят к жизни. Первая вещь. И вторая вещь — я считаю, что мы должны, это наша главная задача — существенно увеличивать финансирование этого сектора. И это происходит. Я могу сказать — это тоже цифра, — что по прошлому году, консолидированный бюджет

образования превысил триллион рублей. Мы все-таки абсолютные лидеры. Этого недостаточно, но это много.

Олег СМОЛИН: А можно про цифры все-таки?

ВЕДУЩИЙ: Олег Николаевич, можно, конечно. Вы имейте в виду просто, вы же, как человек политический, должны это понимать, что средний человек на слух плохо понимает, а понимает, только когда речь идет о зарплате.

Олег СМОЛИН: Вот о зарплатах. В трехлетнем бюджете рост расходов на образование — менее 25 процентов, а рост расходов на правоохранительную деятельность — 43. Итого, мы о том, чтобы защищать государство от народа, займемся гораздо больше, чем об образовании. А что касается роста зарплат, в трехлетнем бюджете, если говорить о федеральных образовательных учреждениях, 2008 года — 7 процентов, 2009 — 6,8, 2010 год — 6,5. Итого, около 20 процентов за три года. Это, конечно, никакой не рост, а сокращение заработной платы.

Николай БУЛАЕВ: Здесь, если говорить о цифрах, тоже нужно быть корректным. В бюджете 2008-2010 года, который мы достаточно жестко критикуем, кроме цифр вот таких общего повышения — 7, 6 и 6, есть достаточно большие суммы резервов по заработной плате — около 100 миллиардов рублей, которые рассчитаны на введение отраслевых тарифных сеток, и которые предусматривают их введение. И здесь нужно быть очень корректным. А что касается — вот еще один вопрос — по бесплатности.

ВЕДУЩИЙ: У нас осталось очень мало времени.

Николай БУЛАЕВ: Есть Конституция, в которой бесплатность и доступность общего образования гарантируется. И нарушить эту норму невозможно.

В данном (отрывочном) тексте довольно четко просматриваются все названные нами компоненты модели.

Во-первых, вполне понятна тема диалога (относительно этого фрагмента). Это — финансирование образования.

Во-вторых, видно, насколько «личные тексты» участников пересекаются и насколько они различны. Так, для АФ разворачивание этого аспекта топика на поверхностном уровне выражается такими пропозициями, как «финансирование школ увеличивается», «бюджет образования превысил триллион рублей», «триллион рублей — это мно-

го», что на уровне пресуппозитивном предполагает, например, существование оценочной пропозиции «финансирование образования хорошее». Личный текст ОС, очевидно, включает фактические пропозиции, озвученные его оппонентом (поскольку он не пытается опровергать, ставить под вопрос или как-то иначе негативно реагировать на них), но не включает оценочные. Кроме того, личный текст ОС включает пропозиции «образование финансируется хуже, чем правоохранительная деятельность» и «зарплаты в сфере образования фактически снижаются». Соответственно, оценочная пресуппозиция здесь «финансирование образования плохое».

Отметим, что здесь имеет место попытка сдвига темы. Дело в том, что общая тема диалога — реформа образования. Тема данного фрагмента — финансирование образования — введена и рассмотрена АФ как естественное продолжение дискуссии, как один из аспектов проблемы процесса реформирования. ОС же подхватывает эту проблему как проблему социальной уязвимости работников сферы образования, что, строго говоря, к проблематике дискуссии уже не относится (но потенциально подключает такие сферы, как социальная защищенность, развитие экономики, проблемы инфляции и т. п.).

НБ, с одной стороны, продолжает раскрывать тему, предложенную ОС (показывая, кстати, что в его личном тексте имеют место те же фактические пропозиции, но отсутствует та же оценка), но, с другой стороны, возвращает дискуссию в прежнее русло (к проблеме бесплатного доступного образования), причем попытка сдвига темы, предпринятая ОС, пресекается достаточно очевидно: фразой «А что касается...». Прагматическая функция этой стандартной фразы очевидна, она предполагает возвращение к ранее затронутой теме, от которой несколько отвлеклись.

При этом интересно поведение модератора. В данном конкретном фрагменте дискуссии он не выполняет, строго говоря, своих непосредственных функций как «блюститель темы», ограничиваясь метакоммуникативными репликами скорее фатического характера. Возврат диалога в русло предложенной темы осуществляется одним из его участников, что подтверждает нашу мысль об ингерентном тяготении публичного диалога к стабильности темы.

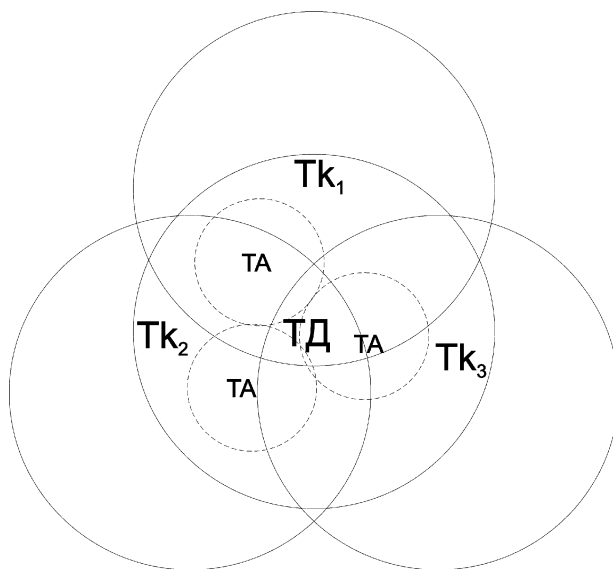
Теперь необходимо отметить еще один, чрезвычайно важный факт. До сих пор мы говорили о публичном диалоге исходя только лишь из отношений между активными участниками коммуникации. В построенной нами модели основополага-

ющим фактором является предметная отнесенность диалога, задающая его тематическую стабильность. Это не совсем верно, поскольку не затрагивается фактор собственно публичности, по отношению к которому фактор предметности является только лишь следствием.

Как было показано в известной работе[6], наличие постороннего слушающего в ситуации общения непосредственно влияет на стратегию коммуникации. Авторами вводится понятие эскиза аудитории, которое предполагает, в частности, отбор и дозировку информации, предназначенной для разных участников общения. Несомненно, модель публичного диалога не может быть построена без учета той аудитории, ради внимания которой и возникает соответствующая коммуникативная ситуация.

Нужно отметить, что этот аспект проблемы наиболее труден. Причиной является неопределенность дискурсивного пространства, в котором может разворачиваться публичный диалог. Широкое варьирование от прений сторон в суде до перемывания костей в низкокачественном ток-шоу предполагает невозможность по-настоящему содержательного описания этого фактора. Можно, однако, с уверенностью предположить, что то взаимодействие когнитивных множеств, которое было представлено на схеме 1, предполагает наличие еще одной сферы: темы аудитории (ТА). Мы считаем, что схему 1 можно пересмотреть, представив ее следующим образом:

Схема 2.

Множественность и позиционирование ТА, представленные на схеме, объясняются следующими причинами: во-первых, хотя, в отличие от

ТД, ТА ассоциирована с определенными носителями, носители эти обычно собственно в диалоге непосредственного активного участия не принимают. Во-вторых, аудитория явным образом неоднородна, поэтому допустимо предположить существование нескольких ТА, связанных либо с какими-то группами внутри аудитории, либо даже с отдельными личностями. В итоге можно допустить следующее.

1. Представление о ТА является частью каждого ТК: каждый коммуникант имеет мнение о том, как аудитория представляет себе данную тему, и при этом это (моделируемое им) представление не может превосходить его собственного.

2. Представления о ТА каждого коммуниканта могут пересекаться, а могут и не пересекаться с представлениями других коммуникантов, но при этом они обязаны пересекаться с ТД. Это связано с тем, что коммуникант не может вступить в публичное обсуждение темы, о которой он заранее думает, что она совершенно не отвечает ожиданиям аудитории.

3. Представление о ТА каждого коммуниканта может лишь частично пересекаться с ТД. Вполне допустима ситуация, когда коммуникант представляет себе, что аудитория может разделять его «личный текст» и в тех аспектах, которые не соответствуют ТД.

Мы полагаем, что идеальным конечным результатом публичного диалога была бы ситуация, в которой ТК, ТД и ТА совпали бы (мы уже упоминали в этой связи «Диалоги» Платона, где результат именно такой). В реальности, очевидно, можно говорить о некотором расширении всех названных областей с возможно большим взаимным перекрыванием. Степень успешности этого процесса зависит от множества факторов, включающих кооперативность и речевую толерантность коммуникантов (см. о понятии речевой толерантности Филиппов, 2004 [8]), конфликтность общения, ригидность когнитивных структур (наличие или отсутствие твердых убеждений по тому или иному поводу) и т. д. Предложенная нами модель позволяет в общих чертах представить эти процессы, конкретную реализацию которых можно наблюдать во множестве реальных коммуникативных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 3—42.

2. Бузаров В. В. Размышления о диалоге на исходе XX столетия [Текст] / В. В. Бузаров // Вестник Пятигорского лингвистического университета. — 1997. — № 1/2. — С. 11—16.
3. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов [Текст] / З. В. Валюсинская // Синтаксис текста. — М.: Наука, 1979. — С. 299—313.
4. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б. М. Гаспаров. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
5. Жалагина Т. А. Виды корректировок в диалогических событиях [Текст] / Т. А. Жалагина // Языковое общение: Процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. — Калинин: Калининский гос. ун-т., 1988. — С. 100—107.
6. Кларк Г. Г. Слушающие и речевой акт [Текст] / Г. Г. Кларк, Т. Б. Карлсон: перевод с англ. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 270—321.
7. Ремизова С. А. Вопросительность в диалогическом общении: форма и содержание [Текст]: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / С. А. Ремизова. — Краснодар, 2001.
8. Филиппов В. С. Речевая толерантность [Текст] / В. С. Филиппов // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики. — Тула: ТулГУ, 2004. — С. 281—286.
9. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование [Текст] / Л. П. Якубинский. — М.: Наука, 1986. — 208 с.
10. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour [Текст] / K. Fox. — Hodder & Stoughton, 2004.